

Злата Хитрова

БАЛЕРИНА
ДЛЯ МАЖОРА.
Любовь на грани боли

Злата Хитрова

**Балерина для мажора.
Любовь на грани боли**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Балерина для мажора. Любовь на грани боли / З. Хитрова —
«Автор», 2026

Я мечтала танцевать на большой сцене. Теперь каждый мой шаг может стать последним. Травмированное колено, нищета и угроза отчисления загнали меня в ловушку. Артём Вольский, наследник балетной империи, предложил оплатить операцию. Цена — месяц беспрекословного подчинения. Он называет меня сломанной куклой. Заставляет танцевать через боль. Прячет моё лицо под маской и превращает унижение в искусство. Но я научилась отвечать ударом на удар. Теперь мне аплодируют критики, соперница боится моего имени, а сам Артём протягивает руку. Я почти победила. Почему же, глядя в зеркало, всё чаще вижу не себя, а его собственную тень? И кто снимет маску, когда музыка оборвётся навсегда?

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Злата Хитрова

Балерина для мажора.

Любовь на грани боли

Глава 1

Пол в зале «Элизе» только что вымыли лавандовым средством. На прослушивание я пришла первой — и теперь ненавидела себя за лишние полчаса ожидания. Я стояла на пуантах, чувствуя, как каждый миллиметр ткани впивается в кожу, но опуститься на всю стопу при комиссии я не решалась. До гранта оставалась одна вариация. Выдержать бы её.

За столом молчали трое пожилых мужчин. Один чуть откинулся, освобождая обзор Вере Логиновой. Я бы тоже выбрала кресло вместо пуантов, только мой отец не содержал академию. Приходилось ждать стоя, пока дочь мецената устроится поудобнее.

— Начинайте, — бросил отец Веры, не поднимая глаз от телефона.

Включили Прокофьева. Резкий ритм сразу потянул меня за собой: первый шаг, поворот. В колене отозвалось знакомое жжение. О нём я успею подумать потом. Сейчас — грант. Смотрят они на меня или ещё в телефон?

После глубокого плие нужно было резко выйти в выпад. Колено потянуло так, что захотелось распрямить ногу раньше. Я не дала себе этого сделать. На третьем пируэте задержу взгляд на комиссии; жалости мне не надо, место в труппе надо.

На вращении я потеряла стену, которую выбрала для взгляда. Найти её снова надо было до следующего счёта. В левом колене щёлкнуло, и я сразу почувствовала: ногу ставлю иначе. Комиссия могла не услышать сквозь музыку, а вот этот перенос веса видела наверняка.

Меня вынесло в сторону. Упасть я не успела: выровняла спину, стиснула ладони и удержала позу. Ногти впились в кожу, но стоять стало чуть легче. Позже Артем назовёт такую остановку «мёртвой тишиной». Сейчас я думала только о том, как опустить пятку, чтобы не рухнуть.

Я досчитала до трёх. Ни замечания, ни просьбы продолжить. Музыку уже остановили, и дышать приходилось очень тихо.

Вера Логинова медленно поднялась со своего места. Её каблучки простучали по паркету, приближаясь ко мне. Она остановилась в метре от меня. Я всё ещё удерживала согнутое колено, а она смотрела сверху вниз, будто я уже стояла перед ней на коленях.

— Смотри, как она дрожит, — произнесла Вера вслух, обращаясь к комиссии, но глядя прямо в мои глаза. — Это не волнение, это слабость. Такие ломаются через месяц. Зачем нам этот мусор? Мы тут балет создаем, а не приют для инвалидов.

Я хотела ответить, что моя техника чище её души. Открыла рот — и не смогла выдавить ни слова. Вера смотрела на моё колено. Все смотрели туда. Я вытянула носок, пряча дрожь, хотя после сорванного пируэта это было бесполезно.

Артем Вольский до этого стоял в углу. Я привыкла ловить его в зеркале — капитана, сына директора, человека, которому преподаватели почему-то отвечали на «ты» без единого замечания. Теперь он шёл ко мне. Длинные ноги, узкие бёдра, серые глаза; вот бы сейчас он смотрел куда-нибудь ещё.

Он не посмотрел мне в лицо. Его взгляд скользнул вниз, на мое левое колено, где сквозь тонкую ткань колготок проступала едва заметная припухлость.

Артем остановился вплотную. От него пахло одеколоном и потом; тоже успел порепетировать, пока я стояла перед комиссией. Он наклонился к моему уху. Остальным пришлось ждать, что я сделаю после его слов.

— Сломанная кукла не нужна на сцене, — прошипел он. Он глянул на мою стопу и усмехнулся. Я выпрямила её, хотя он уже успел всё разглядеть. — Ты только что сломала мне настроение своим жалким видом. Уходи, Кира. Или оставайся и наблюдай, как тебя будут топтать остальные. Выбор за тобой.

Я ждала замечания к пируэту, а получила приказ убираться. Сильнее колена жгло то, что возразить я так и не смогла.

До выхода я добралась, переставляя ноги по одной. За спиной ещё звучал его голос. Не оглядываясь, Кира. Дойди до двери, а там можно поплакать, если очень хочется. Здесь я этого удовольствия им не дам.

Но дверь в раздевалку не открылась. Охранник, здоровый парень с квадратной челюстью, перегородил путь, скрестив руки на груди. Артем догнал меня у двери.

— Не спеши. — Он говорил негромко; охранник даже не повернул головы. Значит, такие разговоры у этой двери для него обычные. — Ты ведь пришла сюда не просто потанцевать. Тебе нужны деньги. Много денег. На операцию. На лечение, которое тебе не дадут ни в одной государственной больнице.

Я замерла, стиснув ручку двери. Как он узнал? Справку я сдавала только в медицинский кабинет. Вера знала про травму, но о срочности операции я ей не говорила. Кто ещё читал мою карту?

— Грант на лечение существует, — продолжал Артем, подходя ближе. Теперь его дыхание касалось моего уха. — Но он выделяется только тем, кто служит академии верой и правдой. Тем, кто готов пожертвовать всем. Своим временем. Своим достоинством. Своим телом, если потребуется.

— Чего ты хочешь? — спросила я хрипло. Последнее слово вышло с хрипом. Я кашлянула и стиснула ручку двери ещё крепче.

— Месяц, — сказал он. — Ты станешь моей личной ассистенткой. Уборка моих гримеров, кофе, стирка формы, помощь с документами. И главное — ты будешь рядом, когда я скажу «иди», и исчезнешь, когда я скажу «стой». Твоя гордость, твоя репутация, твое время — всё за мой счет. Взамен я подпишу бумагу о целевом гранте. После месяца работы, если ты выдержишь, операция будет оплачена полностью.

Он даже не пытался предложить это красиво. Месяц его прислужгой — и оплаченная операция. Я могла возмутиться, уйти, гордо прихрамывая. Только что дальше? С этой мыслью я простояла перед ним дольше, чем хотела. Он видел, что мне некуда идти.

В голове всплыло лицо мамы. Бледное, изможденное, лежащее в больничной койке, с которой её так и не сняли из-за отсутствия средств. «Кира, обещай, что ты не сломаешься там, куда идешь», — шептала она перед смертью.

Я посмотрела на свою ногу. После прослушивания даже до раздевалки не могла дойти без остановки. Месяц я как-нибудь выдержу. А целую жизнь с таким коленом?

Выпрямившись, я встретила его взгляд. Колено опять хрустнуло. Артем смотрел внимательно, чуть склонив голову, и я ненавидела его за то, что он мог просто ждать. Мне ответить нужно было сейчас.

— Я согласна, — сказала я. Я собиралась добавить условия. Хотя бы про ночные вызовы. Пока удалось произнести только это.

Он усмехнулся и посмотрел в коридор. Я сразу пожалела, что не добавила условия: разговаривать наедине, похоже, больше не собирались.

— Отлично. Тогда слушай внимательно.

Он повернулся к студентам в коридоре. Они смотрели, вытягивая шеи поверх чужих плеч. В первом ряду стояла Вера. От неё я уже ничего хорошего не ждала, но всё равно следила за её лицом, пока он объявлял.

— Внимание! — голос Артема разнесся эхом по мраморному холлу. — С сегодняшнего дня Кира Валентинова является моим персональным помощником. Любые поручения, касающиеся моего быта и репетиций, исполняются ею немедленно. Она доступна двадцать четыре часа в сутки.

Кто-то переспросил: «Помощник?» Вера хлопнула ладонями один раз, подождала и повторила. Я знала, кому адресованы эти редкие хлопки, ещё до её следующей фразы.

— Наконец-то у нас появилась подстилка для грязной работы, — объявила она громче Артема. Даже стоявшие у лестницы перестали разговаривать, чтобы дослушать. — Нравится, новенькая? Теперь ты часть нашего цирка. Только клоуном будешь не ты, а мы будем смеяться над тобой.

Рядом хихикнули. Девушка с телефоном повернула его горизонтально, чтобы мы поместились в кадре. Я очень хотела вырвать этот телефон. Вместо этого расправила плечи. Пусть хотя бы на фотографии у меня будет прямая спина.

Я прошла сквозь толпу, держась за стену, чтобы не упасть. Ноги стали ватными. Я добралась до женского туалета на втором этаже, закрылась в кабинке и долго сидела, слушая, как капает вода из ржавого крана. Потом добралась до раковины и умылась, растирая щеки до красноты, пытаюсь стереть следы чужого презрения.

Когда вышла из туалета, чтобы наполнить стаканчик у питьевого фонтанчика, в зеркальной панели за моей спиной мелькнула фигура.

Максим Дорн держал прожектор на колене. Техник с факультета звука, вечно в наушниках. Волосы торчали, пальцы были в пыли; когда снял одну руку с корпуса, там остался след. На моё колено он, в отличие от остальных, пока не смотрел.

Он задержал взгляд на моих руках. Я тут же спрятала одну за стаканчиком. Дрожь всё равно оставалась заметна, но объяснять её при чужом прожекторе в коридоре я не собиралась.

— Твой третий пируэт, — тихо сказал Максим, не оборачиваясь, продолжая вытирать пыль с переносного прожектора.

Я замерла.

— Что?

— Ось ты потеряла. — Макс повернулся ко мне, придерживая прожектор. — Но на музыке осталась. Вера бы ждала, пока её остановят. Артем такого боится: когда можно продолжить без его команды.

Я не поняла. Что он имел в виду?

— С тобой у него привычный номер не пройдёт, — добавил Макс. — Только не пытайся всякий раз доказывать это коленом. Сейчас ты не в том состоянии, чтобы спорить с ним на каждой репетиции.

Он поднял прожектор, забрал рюкзак и ушёл. Я осталась у фонтанчика. Я открыла воду, но стаканчик под струю не подставила. Артем боится? Король академии, жестокий и властный, боится? Это казалось абсурдом.

Я вернулась в холл. Там уже не было толпы. Только Артем. Он стоял у окна, спиной ко мне, глядя на серый двор академии.

— Иди сюда, — приказал он, не оборачиваясь.

Я подошла. Колени снова заныли.

Он развернулся и взял меня за плечи. От его больших пальцев заболели ключицы. Я упёрлась в пол всей стопой; на пуантах такая хватка сразу сбила бы равновесие.

— Первое правило, — прошептал он, наклоняясь так близко, что наши носы почти коснулись. — Никогда не показывай им, где болит. Они почуют кровь и сожрут тебя заживо.

Он ослабил хватку, но не отпускал. От его дыхания захотелось втянуть голову в плечи, но пальцы на ключицах мешали даже этому.

— Второе правило, — продолжил он. Он говорил мне в лицо и не давал отойти. Я слушала, надеясь, что после второго правила наконец отпустит. — Я буду делать больно первым. Чтобы они не успели.

Лампы мигнули и погасли. Я не видела его лица, зато отлично чувствовала пальцы у основания шеи. Втянула голову в плечи. Только бы опять не дёрнул.

— Сломанная кукла, — повторил он во мраке, и его шепот звучал почти ласково. — Посмотрим, кто кого починит.

Глава 2

В танцзале №1 моя подошва скрипнула так громко, что я замерла у двери. Артем продолжал у станка, будто никто не вошёл. Он двигался без задержек: поворот, рука, перенос веса. Я знала, сколько работы за такой лёгкостью. И ненавидела его сейчас за то, что моё тело ему в этом проигрывало. Подписанного обещания оплатить операцию у меня всё ещё не было.

Мои колени дрожали. Сесть пришлось из-за колена, не из-за эффектного желания поразить его. Последние три дня оно тянуло всё сильнее. Если уйду до разговора, он ведь не победит подписывать грант вслед за мной. А завтра я могу вообще сюда не дойти.

Вместо слёз получилось другое: я села возле станка. Пол был холодным даже через леггинсы, на нём ещё темнел влажный след от его подошвы. Сидя было легче держать больную ногу. Пусть сперва спросит, зачем я устроилась у него под ногами.

Он остановился, не завершив вращение. Я положила ладонь на пол: если придётся встать резко, оттолкнусь от неё. Артем обернулся и посмотрел на меня, сидящую у его ног. Теперь хотя бы заметил.

Я достала сложенную бумагу. Медицинское заключение о травме мениска левого колена. Печать больницы, синие чернила, сухие цифры диагноза. Я не протянула ему документ. Просто положила его рядом со своей рукой, так, чтобы он видел каждую строчку.

— Что это? — Он спрашивал про бумагу, продолжая смотреть на меня. Пришлось подвинуть справку ближе, чтобы не смог сделать вид, будто не разглядел печать.

— Гарантия, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Что я не буду падать перед зрителями. Но и не буду стоять на пуантах дольше положенного.

Дверь ударилась об ограничитель. Вера оглядела меня на полу, Артема у станка и улыбнулась. Ничего объяснять она, конечно, не собиралась — она уже всё придумала сама.

— О боже, Кира, — она растянула слова, как жвачку. — Ты уже лижешь ему подошвы? Или просто прячешься от реальности под его тенью? Смотришь мне под ноги? Как собачка?

Вера ждала ответа. Я расправила уголок медицинской справки: от моей хватки он смялся. Мне хотелось спрятать её от Веры, но убрать бумагу сейчас — признать, что она меня напугала.

— Я жду, пока он закончит репетицию, — сказала я ровно, не поднимая головы. — Ты мешаешь процессу, Вера. Иди куда-нибудь, где тебе разрешают дышать.

Вера втянула воздух, собираясь ответить, и на секунду замолчала. Красные пятна поползли у неё по шее. Я продолжала смотреть на справку. Если поднять глаза, она поймёт, как меня трясёт. А так — пусть бесится из-за моей невежливости.

Он присел передо мной. Одеколон запах сильнее, я отодвинула голову, но пальцы уже стиснули подбородок. Пришлось смотреть на него, хотя с пола он казался ещё выше.

— Почему ты всё ещё здесь? — спросил он, глядя мне прямо в зрачки. Он держал мой подбородок, и отвести взгляд можно было только вместе с его рукой. Я попробовала — хватка стала крепче. — Твое тело непригодно. Ты знаешь это. Я знаю это. Уходи, пока я не уничтожил тебя официально.

Боль в челюсти отдавала в висок. Я должна была оттолкнуть его руку. Должна была кричать. Но вместо этого я посмотрела ему в глаза. Сейчас он будет слушать — пусть попробует выставить меня прежде, чем я договорю.

— Мое колено может быть сломано, Артем. Но моя голова работает лучше твоей. Я видела твои наброски хореографии. Они валялись в мусорном баке за репетиционным корпусом. Твой почерк. А сверху — «Не для академии». Директор знает, что ты ставишь другой номер за его спиной?

Он убрал руку с моего подбородка. Сразу стало легче дышать. Усмешки больше не было; он стоял передо мной с плотно сжатым ртом. Попала. Как бы теперь не поплатиться за это раньше, чем успеем договориться.

За запястье меня подняли так резко, что я не успела подставить здоровую ногу. Через несколько шагов спина упёрлась в зеркало. Больно. Оттолкнуть его невозможно; я опустила взгляд на наши отражения и сразу отвела. Смотреть на себя в таком положении было хуже, чем на него.

— Если ты хоть пискнешь... — начал он тише, чем я ожидала. Последнее слово почти выкрикнул; я взглянула на дверь, проверяя, слушает ли Вера. — Я сотру тебя из памяти каждого преподавателя. Я сделаю так, что тебя не примут ни в один театр страны. Забудь то, что видела.

— Я не забуду, — я дышала часто, чувствуя, как сердце колотится о ребра. — Но я могу хранить тайну. Цена входа высока, капитан. Давай торговаться.

Он удерживал меня у зеркала, а я мысленно подбирала слова для бумаги. Устному обещанию я уже поверила вчера. Хватит. — Один месяц. Я буду твоей личной ассистенткой. Уборщицей. Секретарем. Выполню любые поручения. Взамен: ты гарантируешь мне участие в финальном шоу и доступ к грантовому фонду на операцию. Мы связаны. Насовсем, если хочешь. Но сейчас — на месяц.

Артем разглядывал меня, потом перевёл взгляд на дверь. Он всё ещё мог выставить меня отсюда. Я упёрлась ладонью в зеркало, чтобы он не заметил, как дрожат пальцы. Отступить сейчас — уйти без единственной подписи, ради которой я терпела вчерашний позор.

— Условия диктую я, — сказал он наконец, отпуская мое запястье. Отпечатки его пальцев горели на коже.

Он читал условия, водя пальцем по листу. Я слушала, пока не дошёл до того, с чем совсем не собиралась мириться. Работа до рассвета. Запрет на общение с другими студентами во время служебных часов. Обязанность носить его форму (которая будет пахнуть им) и чистить его балетные туфли зубной щеткой, потому что обычные губки оставляют ворс.

— Нет, — перебила я на последнем пункте.

Артем поднял бровь. — Ты отказываешься?

— Все остальное — да. Кроме запрета на общение с Максимом Дорном. Техником света. Он единственный, кому я доверяю вне стен этого ада. Это моя последняя граница. Переступишь — сделка срывается.

Он удивился — я успела это заметить, прежде чем вернулась усмешка. Максим, похоже, его не тревожил. Тем лучше. Я не собиралась объяснять, что после вчерашнего разговора возле фонтанчика мне легче входить в эту академию.

— Ладно. Пусть твой техник светит. Мне все равно.

В этот момент в зеркале мелькнуло отражение Веры, которая всё ещё стояла в дверях, смотрела на меня и Артема. Её ещё никто не выгнал, и уходить самой она не собиралась. Она шагнула от двери к нам, игнорируя запрет на вторжение.

— Артем, ты нарушаешь правила! — Она шагнула вперёд, почти задев моё плечо. Я прижалась к зеркалу, чтобы она хотя бы не задела плечо. — Ты нанимаешь бракованный товар! Подтверди публично, что она твоя слуга. Скажи всем, что она ничтожество. Добей её, пока я не сделала это сама.

Вера переводила взгляд с него на меня. Ей недостаточно было моего места у зеркала: она ждала, что он ещё и подтвердит каждое её слово.

Артем не посмотрел на неё. Он повернулся к столу, взял контракт и протянул его мне. — Вера, иди прочь. Кира теперь под моей личной защитой и юрисдикцией. Если ты не можешь принять новый порядок вещей, возможно, стоит пересмотреть своё место в нем.

Вера смотрела на Артема так, словно он сейчас должен был забрать свои слова обратно. Он этого не сделал. Я прижала контракт к груди: попробует отобрать — придётся тянуть его при свидетеле. Вера всё-таки отвернулась и вышла, хлопнув дверью.

Мы остались вдвоем в огромном, гулком зале.

Артем положил ручку на контракт, прямо поперёк строки для подписи. Чёрная гелевая, обычная. Такой я записывала конспекты. Отчего сейчас даже взять её со стола было трудно? — Подпиши.

Ручка скользила в пальцах. Подписать легко, всего несколько букв. Вот только за ними — целый месяц, когда он сможет вызвать меня среди ночи и сказать, что я сама согласилась. Я перечитала пункт про оплату операции. Ради него. Только ради него.

Подпись я сделала крупной. А ниже, где оставалось свободное место, написала три коротких слова. Нажимала так сильно, что бумага продавилась на обороте:

«Не. Снимай. Маску.»

Пунктом договора эти три слова не были. Я обвела последнюю точку ручкой и подвинула лист к нему. Теперь пусть гадают, зачем я их написала.

Артем прочитал надпись. Он не улыбнулся цинично, как обычно. Он провёл пальцем по надписи, словно проверял, можно ли стереть чернила. Я перестала крутить ручку: сейчас потребует убрать эти слова. Я уже приготовилась спорить, если он потребует переписать лист. Но он расписался на обоих экземплярах, вернул один мне, а второй сложил вместе с моей медицинской справкой. Моё колено и его тайные репетиции оказались в одном кармане. Мне это совсем не нравилось.

— Ты будешь спать на диване в моей гримерке, — произнес он тихо, убирая контракт в карман куртки. — И если ты храпишь, я тебя выкину.

Свет в зале моргнул и погас, оставляя нас в полной темноте. Я слышала его дыхание рядом и сжимала свою копию договора. В темноте проверить подпись было невозможно. Завтра утром проверю снова.

Глава 3

У двери гримёрки я остановилась перевести дух. Изнутри тянуло дорогим парфюмом; кофе в моём стаканчике успел остыть, пока я хромала по лестнице. Я стояла у порога, вцепившись пальцами в картонный стаканчик с кофе, который должен был быть «американо без сахара», но дрожащие руки никак не давали удержать его ровно.

— Ты опаздываешь на пять минут, Кира, — голос Артема Вольского не повысился. Он просто перестал смотреть в зеркало, где разучивал новый этюд, и медленно повернул голову. Он смотрел на стаканчик, который я принесла. Пять минут он считал, выходит, пока я считала ступеньки.

Пуант зацепился за шнурок спортивной сумки. Я попыталась удержать кофе, а не себя — и выпустила стакан. На белой дорожке растеклось тёмное пятно. Артем посмотрел вниз прежде, чем я успела выпрямиться.

Я смотрела на кофейное пятно, потом на Артема. Он ещё ничего не сказал. Можно было поднять стакан и извиниться, как нормальный человек. Я уже стояла на четвереньках, промокая ковёр полотенцем с его сумки. Колено прострелило; я закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Он наблюдал за мной в зеркале. Даже не повернулся. Я тёрла всё быстрее и от этого злилась на себя ещё сильнее: ведь именно такой он и хотел меня видеть.

— Твои руки дрожат, — констатировал он ровно. — Это признак слабости или гнева?

Отвечать, стоя на четвереньках, я отказалась. Дорожку всё равно пришлось тереть дальше: кофе уходил в ткань, оставляя край пятна. Ладонями я давила на полотенце и смотрела только на этот край.

На скрип двери я подняла голову. Вера вошла с той довольной улыбкой, с которой обычно подходила к зеркалу перед репетицией. Увидела полотенце под моей рукой и чуть замедлила шаг. Торопиться теперь незачем.

— О, проверка готовности к мастер-классу, — пропела она, скользя взглядом по моему лицу, искаженному болью, и затем вниз, на мои руки. — Что это ты там делаешь, деточка? Учишь этикет на полу?

Она сделала шаг вперед. Я вынесла ладонь вперед, удерживая равновесие. Вера поставила каблук прямо на пальцы. Сдвинуть руку сразу не получилось: пришлось сначала выдернуть её из-под туфли.

— А-а! — я дико выдохнула, отдергивая руку.

— Ой, прости, дорогая, — сказала Вера. Она продолжала смотреть на мою ладонь, пока я прижимала её к груди. — Я думала, это просто тряпка. Забыла, что рабыни имеют право на пальцы.

От боли я не сразу смогла разжать пальцы. Осмотрела красные полосы на них и подняла глаза на Веру. Вот эти руки ей хотелось видеть дрожащими. Я положила их на колени и молча смотрела, пока она не отвела взгляд.

— Хватит кукольного театра. — Артем хлопнул ладонью по столу. Вера тут же выпрямилась, теряя дерзость.

Он указал на разлитый кофе, смешанный с пылью и моей кровью с пальцев.

— Допей.

— Что? — я моргнула, не веря своим ушам.

— Прошу тебя, Кира. Встань. Подними стакан. Выпей то, что осталось. И выброси мусор в бак в конце коридора. Там сейчас толпа первокурсников. Им полезно видеть пример... трудолюбия.

Желудок свело ещё до первого глотка. Пыль на ободке, ботинки рядом, грязное полотенце. Я посмотрела на Артема: может, он хотя бы сейчас передумает? Нет. Отказаться озна-

чало услышать про операцию, про деньги, которых у меня нет. Он даже не произнёс этого вслух.

Я встала. Колени предательски затряслись. Я подняла стакан. Он лежал на боку: немного кофе осталось на дне, а к мокрому ободку пристала пыль с дорожки. Я смотрела на неё, пока Артем не кивнул на дверь. Я поднесла его к губам.

Кофе оказался горьким, с привкусом мокрой пыли. Я глотнула ещё, едва удержав его во рту. До бака было несколько дверей. Нужно дойти, не согнуться, не вырвать при первокурсниках. Остаток я допила уже на ходу.

В коридоре обсуждали новую связку и смеялись. Когда я поравнялась с девушками, одна толкнула другую локтем. Я смотрела на бак в конце прохода. Если уставиться на них, точно не дойду.

На середине коридора я столкнулась с Максимом Дорном. Он держал в руках катушку с кабелем, его глаза за очками расширились от ужаса, когда он увидел мой побелевший лик и стакан в руке.

— Кира? — он сделал шаг навстречу, протягивая свободную руку, будто хотел поддержать. — Ты в порядке? Давай я помогу...

— Не трогай меня, — шепнула я, резко отшатываясь. Я ещё могу дойти до бака сама. Если он сейчас возьмёт меня под руку, расплачусь тут же, среди этих девушек. Это я знала о себе без всяких проверок.

Обогнув катушку в его руках, я прибавила шаг. Макс остался на месте. Уже возле бака я обернулась: он смотрел на дверь гримёрки. Пусть не идёт туда. Не хочу, чтобы они повторили всё при нём.

Стакан упал в коридорный бак, и меня наконец перестало тянуть вырвать прямо на ходу. В гримёрке Артем говорил по телефону на английском. Я остановилась у двери. Пока он занят, можно молчать и не придумывать, как отвечать на следующую насмешку.

Мне даже его телефонный разговор был легче. Я ждала, что он закончит и опять посмотрит на мои руки.

Когда он закончил звонок, Артем развернулся. На его лице не было ни злости, ни удовлетворения. Только пустота.

Он бросил мне ключи. Они звякнули об пол рядом с моими пуантами.

— Завтра в шесть утра. Квартира на Пречистенке. Уборка кухни. Если найду хоть одну крошку — штраф из твоей стипендии. Двадцать процентов. За каждую.

Я спрятала ключи в карман. Теперь знала и адрес, и час, когда нужно прийти. Можно перестать ждать приказа хотя бы до утра. Завтра войду в его квартиру, и там не будет ни Веры, ни Макса.

Ночь в общежитии прошла в кошмаре. Руки отказывались слушаться. Я пыталась перебинтовать колено, но пальцы дрожали так сильно, что бинт падал снова и снова.

Дверь скрипнула. Вошла Лена, моя соседка, которая весь день шепталась с другими девочками о том, как «подстилка капитана» ползала на четвереньках.

— Дай, я помогу, — сказала она мягко, протягивая руку к моему колену.

Лена потянулась к бинту. Перед глазами всё ещё стояла Верина туфля на моих пальцах. Я оттолкнула чужую руку прежде, чем успела разглядеть, чья она.

— Не трогай меня своими жалкими руками! — рывкнула я, оттолкнув её.

Лена отшатнулась, испуганно моргая. Я захлопнула дверь шкафа, забралась под одеяло и зарыдала. Тихо, беззвучно, кусая подушку, чтобы никто не услышал. Лена ещё стояла возле кровати. Я отвернулась к стене: пусть уйдёт, пока я не скажу ей ещё что-нибудь из того, что сегодня говорили мне.

Утро встретило меня серым небом и свинцовым телом. Шесть часов. Квартира Артема Вольского.

Я стояла перед дорогой дверью из массива дуба, готовясь к худшему: к грязи, к крикам, к еще одному витку психологического насилия. Я отперла дверь выданным ключом, повернула ручку и вошла.

Тишина.

Апартаменты были огромными, минималистичными, стерильно чистыми. Ни одной лишней вещи. Ни одной пыли.

На кухонном острове лежала записка и два предмета.

Я подошла ближе. Сердце пропустило удар.

Я раскрыла учебник на середине. Мои пометки, рисунки мышц, загнутый угол страницы: именно моя книга, которую потеряла месяц назад. Возле неё стояла дорогая мазь. Я проверяла цену такой в аптеке и уходила ни с чем, решив, что до следующей стипендии обойдусь.

Записка гласила ровным, каллиграфическим почерком:

«Вытри полы. И намажь колено. Я вижу, как ты хромаешь. Сломанная кукла не нужна мне даже в качестве прислуги».

Я прочла это трижды.

Он нашёл мой учебник. Я перевернула его: на обложке сохранилась старая царапина, пометки внутри тоже были мои. Кто сказал ему, что я искала эту книгу? Мазь рядом он мог купить где угодно, а вот про учебник пришлось узнать у кого-то.

Вчера он заставил меня пить кофе с пылью. Сегодня оставил мазь и учебник. Я положила ладонь на потрескавшуюся обложку — и тут же отдёрнула. Благодарить его после вчерашнего? Даже мысленно не буду.

Крышка поддалась со второго раза. Запах трав сразу перебил Артемов парфюм; я поднесла банку ближе, рассматривая содержимое. Хорошо хоть не нужно спрашивать у него, как её открыть.

Растирать мазь ушибленными пальцами было трудно. Я двигала ладонью осторожно, прислушиваясь к колену. Понемногу отпускало. И это раздражало: помогло именно то, что оставил он.

Я снова взяла записку. В ней ни слова о том, где он нашёл книгу. Значит, придётся спросить. И встретиться с ним ещё раз — уже с его мазью на колене.

Запах мази стал душить. Я закрутила крышку и отнесла банку подальше, к краю острова. Учебник оставила возле себя.

Глава 4

В подвале я чихнула, едва открыв первый ящик. Нафталин забивал запах плесени. До обеда нужно было разобрать костюмы, а на верхнюю полку без лестницы я даже не дотягивалась.

— Разбери архив до обеда. Каждое перо на месте, каждая пуговица проверена, — бросил Артем, не поднимая глаз от телефона. Он не смотрел, достаю ли я до верхнего ящика. Срок назвал и вернулся к телефону.

Я кивнула, пряча ладони в складках платья. Держаться за ящик ещё можно, показывать боль ему — нет. Вчера хватило падения, чтобы меня называли куклой; сегодня он просто даст больше работы, если увидит, как мне тяжело.

Бархат с верхней полки свалился мне на плечо. Я попыталась придержать его и заодно подтянуть ящик — дурацкая попытка сделать сразу всё. В бедре дёрнуло, колено подломилось. Боком я врезалась в стойку и на несколько секунд осталась без воздуха.

Артем поднял голову от телефона. Мог бы помочь убрать костюм, чтобы я хотя бы села. Вместо этого продолжал смотреть. Я стиснула зубы: просьбы он от меня не услышит.

Я прикусила губу до металлического привкуса. Отвлечься на неё было проще, чем разбираться, где болит после падения. Пусть думает, что ушиб пустяковый. Только бы стойка выдержала, когда я на неё обопрюсь.

Подняться получилось, только опершись на стойку обеими руками. С платья посыпалась пыль. Артем посмотрел на него, усмехнулся и вышел. Я осталась держаться за стойку; можно больше не изображать, что встаю легко.

К вечеру в подвале похолодало. Я ещё возилась с костюмами, когда вошла Вера. Она остановилась у самой чистой полосы пола возле двери. Дальше своих туфель, кажется, шагать не собиралась.

— Грязь под ногтями королевы? — прошептала она, наклоняясь ко мне. Ее духи были приторными, душливыми. — Ты даже дышать должна тихо, Кира. Чтобы не пачкать воздух, которым мы дышим.

Я уже собиралась промолчать, когда вспомнила, как неделю назад Вера говорила кому-то в коридоре: «Мама сказала, что если я потеряю ритм, меня отправят в интернат». Тогда я думала, она преувеличивает. Теперь, глядя на её безупречную осанку, захотела проверить.

Я посмотрела ей прямо в глаза, игнорируя боль в колене.

— А если ритм сорвётся у тебя, Вера? Мама уже выбрала интернат?

Она вздрогнула. Мелко, почти незаметно, но ее пальцы, державшие сумочку, побелели. Она открыла рот, но не успела подобрать обычное оскорбление. Я продолжала смотреть на неё, не позволяя разговору вернуться к моим ногам. Она ничего не ответила, развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Я осталась одна. Мне хотелось догнать её и сказать ещё что-нибудь. Я сдержалась, присела на край ящика. Значит, она всё-таки умеет замолчать. Умеет — если попаду в нужное место.

На крышу я поднялась после смены. Ветер забрался под платье, пришлось обнять себя свободной рукой. Зато здесь никто не указывал, как мне стоять. Закурить и хотя бы пять минут не слушать команд — большего сейчас не хотелось.

Сигарета тлела между пальцами, когда из тени выхода показался Максим Дорн. Факультет света и звука. Я узнала наушники на шее. От него хотя бы не нужно было прятать сигарету: он пришёл не проверять меня.

Он не сказал ни слова утешения. Просто поставил рядом термос. Горячее какао пахло корицей и детством.

— Твои движения в танце были чище, чем у Веры, даже когда ты падала, — произнес он хрипло, глядя на городские огни внизу. — В падении больше правды, чем в безупречности.

Я замерла. За эти дни мою технику почти не вспоминали. Все говорили о моей травме, о моих ограничениях, о том, чего я не могу. Максим увидел то, что я прячу: мой талант жив, несмотря на разбитые кости.

— Спасибо, — прошептала я, обхватывая термос ладонями. Тепло проникало в кожу, размораживая сердце. Я сделала ещё глоток. Он так и не спросил, что мне приказал Артем. Можно было просто сидеть рядом и пить какао.

Дверь на крышу распахнулась с грохотом. Артем.

Он прошёл прямо к Максу. Я перестала греть ладони о термос: придержать его надо было раньше, чем Артем начнёт дёргать меня за руку.

— У тебя нет права дышать одним воздухом с моими вещами, — отрезал Артем, хватая меня за запястье. Его пальцы были ледяными и сильными. — Макс, убирайся. Кира, в комнату. Немедленно.

Максим не спорил. Он лишь бросил на меня последний взгляд — полный тихого беспокойства — и исчез в темноте коридора.

Артем тащил меня обратно вниз, не ослабляя хватки. В комнате он швырнул меня на кровать, нависая сверху. Я откатилась к краю кровати, стараясь убрать колено с его пути. Он наклонился следом; ни выпрямиться, ни отодвинуться дальше не получалось.

— Ты думаешь, это игра? — прошипел он. — Ты думаешь, я не вижу, как ты смотришь на него?

— Я думаю, что ты боишься конкуренции, — ответила я, стараясь говорить ровно, хотя сердце колотилось в горле.

Его лицо исказилось. Я следила за его рукой, приготовившись закрыть лицо. Он повернулся к столу, взял ключ и швырнул его мне на колени. Тяжелый, латунный.

— Кабинет хореографии. Запри дверь. Если кто-то увидит тебя там до утра... считай, что ты уже умерла.

Он выдал ключ сам. Значит, рассчитывал, что я полезу в кабинет, хотя грозил за это смертью. Я перекатывала металл в ладони, решая, что хуже: не пойти и всю ночь гадать или пойти и узнать.

Я сжала ключ. Металл упёрся в ладонь. Ловушка или подарок — разница была несущественна. Главное — доступ.

До кабинета я дошла, считая двери. За одной гудела вентиляция; остальной коридор был пуст. Заперевшись, включила настольную лампу. Тетради лежали вперемешку с дисками, сверху — чертежи. С чего начать, если я даже не знаю, что он хочет показать?

Я искала деньги. Искала компромат. Но нашла кое-что другое. Черновики хореографических связок, подписанные странным псевдонимом: Shadow. «Ночная Тень». Знаменитый анонимный хореограф, чьи видео набирали миллионы просмотров, диктуя моду в сети.

Я перевернула страницу. Почерк был знакомым. Резким, угловатым. Почерк Артема.

А ниже, жирной красной ручкой, было написано: «Сломанная кукла не нужна на сцене. Убить мягкость. Оставить функцию».

Те самые слова, которые он сказал мне на прослушивании. Те же интонации. Та же методология. Я вернулась на первую страницу и снова прочла «Убить мягкость». Он записал это до моего прослушивания. Не сорвался. Пришёл в зал с готовыми словами — и произнёс их мне в лицо.

Дрожащими руками я сняла страницу на телефон и проверила резкость. Фраза читалась, подпись Shadow тоже. Теперь отвечать ему будет легче: мало ли что он уничтожит здесь, фотография у меня.

Утром Артем выглядел уставшим. Тени под глазами выдавали бессонницу. Он стоял посреди зала, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной.

— Ты спала? — спросил он.

— Нет, я думала, — ответила я спокойно, раскладывая книги на полке. Ни капли страха. Ни капли жалости.

Он остановился возле полки. Я продолжала раскладывать книги, чтобы он не увидел, как мне хочется закрыть перед ним лицо ладонями.

— Мне нужна книга по анатомии танца, — добавила я. — Мою ты вернул. Но в ней нет того, что мне сейчас нужно. Покажи раздел про нагрузки: я хочу понимать, как работать с телом, которое болит.

Артем долго смотрел на меня. Потом достал с полки толстый том в кожаном переплете и протянул мне.

— Если ты хоть раз ошибешься в моих поручениях, — тихо сказал он, и в его голосе звенела сталь, — я покажу комиссии твоё медицинское заключение. И твоя карьера закончится раньше, чем начнется.

Ставки выросли. Но я взяла книгу. Я прижала тяжёлый том к боку. Хотелось открыть его немедленно, прямо здесь, пока Артем не передумал.

Вера исполняла вариацию перед Артемом. Позиции чистые, стопы вытянуты — прижаться мне было не к чему. Но я ждала, когда она задержится на повороте и позволит увидеть хотя бы усилие. Не позволяла. Всё время одинаковое лицо.

Артем молчал. Он не останавливал её. Не хвалил. Просто ждал. Когда Вера завершила пируэт и поклонилась, ожидая одобрения капитана, он перевел взгляд на меня.

— Покажи, как надо, — приказал он.

Вера остановилась возле станка. Артем только что велел мне танцевать там, где вчера разрешал лишь мыть пол. Я посмотрела на свободное место: ну что, передумаешь, пока я дохромаю?

Я вышла, прежде чем он передумал. На переносе веса колено заныло. Можно остановиться на этом, как на прослушивании. Вера уже стоит и смотрит — нет, не сейчас.

Я танцевала, удерживая Веру в краю зрения. На низком движении колено заныло сильнее, но я вышла из него в баланс и задержалась. Артем приказал показать — вот пусть и смотрит. Связку я знала, менять её ради их удобства не собиралась. На последнем подъёме мне удалось поймать взгляд Веры. Она больше не улыбалась.

Когда финальная нота оборвалась, в зале стояла абсолютная тишина. Даже дыхание было слышно.

Артем приблизился, глядя прямо на меня. Я вытерла лоб тыльной стороной руки и тут же пожалела: захотелось оставить руки опущенными, чтобы он не заметил дрожи.

Он не сказал ни слова. Он просто взял мою руку — ту самую, которая дрожала от адреналина и боли, — и прижал к своей груди. Там, под дорогой рубашкой, билось сердце. Быстро, сбивчиво, так же, как мое.

— Ты слишком живая для этого места, Кира, — прошептал он так тихо, что слышала только я. Я не могла решить, злится он ещё или уже нет. Я чувствовала его пульс под ладонью и не знала, когда он даст её убрать.

А потом отпустил. Отвернулся, отдавая команду продолжить репетицию, оставляя меня посреди зала с ощущением, что я только что коснулась бомбы, которая вот-вот взорвется.

Глава 5

Телефон завибрировал в кармане пижамы, и я ударила по нему ладонью, ещё не открыв глаза. Артем. Три часа ночи, четверг. Всё, что я собиралась сделать сегодня, начнётся с недосыпа. Даже колено, кажется, не отдыхало вместе со мной.

В потолочной трещине я уже могла разобраться с закрытыми глазами. Короткая ветка над дверью, длинная над кроватью. Палец задержался над «Отклонить». Ответить и выдать голосом, что я только что проснулась? Он это сразу услышит.

Я всё-таки ответила.

— Где моя игрушка? — раздалось из динамика. Голос был тихим, но отчетливым, как лезвие, приложенное к горлу. Я ещё не проснулась до конца, а он уже говорил так, будто я должна была стоять у двери его зала. Ночная репетиция — приказ, который он отправил, пока я спала.

У двери мигал красный огонёк. Пропуск не работал — вечером я проверила дважды. Артем написал, что откроет выход после ночной репетиции. Отлично: чтобы попасть на его репетицию, нужно сперва спросить его, как выйти. А я хотела выйти совсем не к нему.

Я сбросила звонок. Максим вчера сунул мне запасной ключ от двери на пожарную лестницу: «На всякий случай. Если станет совсем невыносимо». К этой двери был выход с нашего маленького балкона. Я села. Колено заломило, но я стиснула зубы. Ключ был холодным и тяжёлым в потной ладони. Я повернула ключ, придерживая ручку, чтобы не щёлкнул язычок. Ещё никогда открытая дверь не радовала меня так.

На чердачной лестнице шаги гремели, как ни осторожно я ставила ногу. Старая краска крошилась под ладонью, когда я держалась за стену. До первого этажа надо добраться без остановок. Там двери наружу. Мне хватит и пяти минут, лишь бы воздух был не из этой комнаты.

Но на третьем этаже, в узком повороте коридора, тень отделилась от стены.

Вера стояла у поворота в шёлковом халате. Причесалась даже к трём ночи; по крайней мере, ни одной выбившейся пряди. Я задержалась у стены. Она не удивилась, увидев меня, и это сразу не понравилось.

— Ты куда-то собралась, Кира? — Она заняла проход целиком. Мне пришлось остановиться и слушать, хотя уже хотелось просто протиснуться мимо. — Или ты забыла, кто твой хозяин?

Она показала чат. Сверху — Артемово «Где моя игрушка?», дальше чужие ответы, мемы, разговоры про уборку кабинета. Я не успела прочитать всё и уже пожалела, что начала.

На экране кто-то прислал картинку с тряпкой. Под ней моё имя. Я прочла его, хотя очень старалась не смотреть. Даже уборку они успели обсудить так подробно, будто сами стояли рядом со мной на четвереньках.

— Пропусти, — процедила я, делая шаг вперед.

Вера не двинулась с места. Она лишь чуть сменила позу, выставив ногу. Я попыталась пройти мимо, игнорируя её презрительную улыбку, но она толкнула меня плечом. Резко, сильно.

Мои ноги подкосились от боли в колене. Я споткнулась, едва не упав на колени прямо перед ней. Вера захихикала, закрыв рот ладонью.

— Осторожно, детка. Пол нельзя мыть, если ты будешь падать каждые две минуты.

После вчерашней репетиции она точно знала, на какую ногу я переносу вес. Толкнула с больной стороны — и улыбнулась, пока я искала опору. Я пошла вдоль стены, стирая побелку пальцами. Только не останавливаться возле неё второй раз. Лифт был дальше, чёрный ход ещё дальше, но к первому этажу можно было хотя бы спуститься без её помощи.

Холл первого этажа встретил меня тишиной VIP-зоны. Мягкий свет, полированный мрамор, запах дорогих цветов. Здесь никогда не бывает много людей после полуночи. Кроме охраны.

Два охранника в черных костюмах преградили путь к стеклянным дверям. Их лица были непроницаемыми масками вежливости.

— Простите, студентка, — один из них сделал шаг навстречу. — Комендантский час. Вы не можете покидать территорию академии без пропуска директора.

— Я не хочу уходить далеко, — мой голос дрожал. — Мне нужен свежий воздух. Пожалуйста.

— Приказ есть приказ. Предъявите пропуск.

Я достала телефон, чтобы позвонить Максиму. Может, он поможет договориться с дежурным? Но экран показывал полный ноль сигнала. В зоне VIP работало глушение связи. Вызов не проходил. Я подняла телефон повыше, отошла от колонны — ни одной полоски. Охранник следил за каждым моим шагом.

И тогда двери лифта открылись бесшумно.

Из лифта вышел Артем. Он увидел меня раньше, чем я убрала телефон. Остановился, осмотрел босые щиколотки, пижаму, лицо. Я ждала, что потребует вернуться. Он ничего не сказал, и от этого оправдание полезло в горло само. Я проглотила его.

Я посмотрела на стеклянные двери за охранниками. Там никого не было. Они заставляли меня просить разрешения просто постоять снаружи. Вот из-за этого я сейчас должна извиняться перед ним?

Я выпрямила спину, несмотря на то, что сустав хрустнул от напряжения. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не вещь, которую можно забрать из комнаты силой, — сказала я тихо, но четко. Охранник посмотрел на Артема, не на меня. Очень хотелось заставить его хотя бы выслушать до конца.

Охранник перестал улыбаться. Я только сейчас заметила, как громко сказала это: даже у лифта обернулись.

Артем не изменился в лице. Но его брови чуть приподнялись. Любопытство? Раздражение?

И тут раздался смех. Громкий, звонкий, неприятный.

Вера вышла из тени колонны. За ней тянулась группа студентов позднего потока. Они уже включили камеры телефонов. Свет вспышек ослепил меня.

— Драма бедной стипендиатки! — крикнула Вера, указывая на меня пальцем. — Смотрите, как она пытается строить из себя независимую леди! Артем, скажи ей, что её место рядом с твоими сапогами, а не в голове!

За спиной засмеялись, пришлось повернуться. Телефон Веры был совсем близко, в нём отражалось моё лицо. Я хотела закрыть объектив ладонью, но тогда на записи останется только моя рука. Её слова не останутся, мой жест — останется.

— Хватит! — я попыталась сделать шаг назад, но толпа сомкнулась плотнее.

Артем даже не подошёл, пока Вера снимала. Я посмотрела на него в ожидании хоть какого-нибудь приказа. Он ведь одним словом мог убрать их из холла. Но слово приберёт для меня.

И тогда технические двери распахнулись.

Максим Дорн выбежал в холл. В руках он держал планшет с настройками света, волосы были взъерошены, очки съехали на нос.

— У Киры экстренная медицинская ситуация! — выкрикнул он, обращаясь к охране и к Артему одновременно. — Ей нужен покой! Вы нарушаете правила академии!

Макс выкрикнул это слишком громко и сам испугался. Я увидела, как он переместил планшет из одной руки в другую. Пытался занять их, чтобы не дрожали. Всё равно остался возле технической двери — ближе ко мне, чем остальные.

Артем повернулся к Максy. Несколько секунд ничего не говорил; Макс тоже стоял молча. Я смотрела между ними, зная, чей голос сейчас услышат остальные.

— У нас тут личный разбор полетов, — произнес Артем. Его голос был спокойным, почти бархатным, но нес в себе сталь. — Не мешайте работе команды, Максим. Иди писать свои сочинения о свете.

Толпа рассмеялась. Авторитет капитана работал безотказно. Максим побледнел. Он посмотрел на меня, затем на Артема и крепче сжал планшет. Я ждала ещё хоть слова, но Макс только попятился к дверям.

Макс ушёл. Несколько секунд я ещё смотрела на дверь: может, вернётся с кем-нибудь? Она не открылась. Теперь даже искать глазами было некого.

Артем подошел вплотную. Слишком близко. Я чувствовала запах его одеколона — древесный, дорогой, давящий. Он взял мое лицо в ладони. Жест имитировал нежность, но пальцы сжимали челюсть так, что было больно. Он заставил меня смотреть ему в глаза.

— Если ты хочешь свободы, тебе нужно стать лучше меня, — прошептал он, и его дыхание коснулось моих губ. — А пока ты просто сломанная кукла, которая скрипит на ветру.

Опять кукла. Я чувствовала его палец у своего рта и не могла больше слушать, как он это произносит.

Большой палец всё ещё касался моих губ. Я посмотрела на него и перестала искать, что бы ответить словами.

Я укусила его большой палец. Сильно. До крови. До вкуса металла во рту.

Вера умолкла. Охранник перестал придерживать дверь и повернулся к нам. Я слышала, как Артем выдохнул через зубы; на ладони ещё оставалось его тепло.

Артем отдернул руку. Посмотрел на рану. На пальце выступила крупная капля алой крови.

И тогда он улыбнулся.

Он улыбался, разглядывая след моих зубов. На такое я не рассчитывала. Хотела, чтобы убрал руку, отступил, хотя бы перестал говорить. Получила улыбку. С ней мне было ещё труднее понять, что он сделает дальше.

Он вытер кровь платком из своего кармана. Белая ткань мгновенно окрасилась красным.

Артем небрежно бросил окровавленный платок к моим ногам. Ткань упала на мрамор, и я отступила, чтобы не наступить на неё.

— Отведите её в мою резиденцию, — сказал он охранникам, не глядя на меня. — Она будет спать там сегодня. И завтра. И послезавтра.

Я смотрела на пятно, расплывшееся по белому платку. Охранник взял меня под локоть. Я укусила Артема, не извинилась, не заплакала — а меня всё равно вели туда, куда он приказал. Он даже не повысил голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.